

Ерофеев Виктор. Всадник без головы

28 марта - 4 апр. 96г.

Русской литературе XX века известны два В.Ерофеева. Увы, до своего трехтомника, изданного на родине, смог дожить только один из них. Родное издательство "Молодая гвардия" с присущим ему размахом выпускает почти полное собрание сочинений Виктора Ерофеева (скромно надеющегося, впрочем, на пятитомник).

Растроганный событием, Виктор Владимирович решил поделиться с читателями "ЭС" размышлениями о нашей культуре, о "себе, любимом", об А.Ф.Лосеве (последнем русском философе) и о мире, в котором все мы обречены брести наугад.

— Виктор Владимирович, как вам удалось в наше-то время выпустить в России такого "монстра" (трехтомник на хорошей бумаге, в "супере", да еще в уважаемом издательстве)?

— Я считаю, что выход трехтомника — большое чудо в наше время. Нельзя не радоваться, когда происходят такие чудеса. В этом смысле у нас сейчас пора урожая.

— Почему же "чудеса", а не "закономерность"? Ведь вы известный писатель. Ваши книги издаются во Франции, Голландии, Венгрии. Голливуд рвется делать кино по вашим произведениям.

— Потому что литература, представленная в трехтомнике, — совсем не то легкое чтение, которое хорошо идет в электричке или с похмелья. Это литература, в которую надо серьезно вгрызаться. Так что решение издательства "Молодая гвардия" опубликовать мое собрание сочинений — вдвойне подвиг: и как коммерческий риск, и как вызов издательства собственным мировоззренческим представлениям о литературе, сложившимся стереотипам.

— Насколько я знаю, первый том (с розовой красавицей на обложке) уже продается, два других вскоре появятся на прилавках. Каких в них вещей больше: триумфально-знаменитых подобно "Красавице" или еще нечитанных?

— Трехтомник довольно полно представляет меня во всех видах. Романы, тема рассказов, литературоведческие, культурологические, философские эссе.

— Как, вы еще и философ?

— Второй том, в котором сосредоточена эссеистика, озаглавлен "В лабиринте проклятых вопросов". Не философия, в таком лабиринте нетрудно заблудиться. Однако, даже когда я пишу философские эссе, осознанно себя писателем, прежде всего писателем. Способ моего существования в сфере мысли — все-таки художественный способ. Просто я дисциплинировал свою мысль и могу говорить отчетливо и связно о том, что я вижу не только при помощи художественных образов, но также и в логических категориях. Методология может быть разная, но взгляд на мир остается. И в литературоведении, и в критике, и в философии я, не скрываясь, выступаю как писатель, то есть говорю только о том, что интересует меня как писателя. Я не выдумываю себе новых профессий.

— Синтез философствования и художественной прозы (точнее сказать, поэтизированной прозы) есть у Ницше, Вячеслава Иванова, Бердяева, Гачева. Вы тоже эволюционируете в сторону смешения философии и поэзии?

— Я не думаю, чтобы я шел в чью-то сторону — я старательно и медленно приближаюсь к себе, не к "себе-любимому", но к себе как единице сознания, самопознания, просто как к человеческой единице.

Как эссеист-теоретик, я начался с довольно спорных и резких тем. Мое первое эссе было о Маркизе де Саде.

— И с тех пор проблемы бытия зроста в культуре и в жизни не перестают вас интересовать?

— Вы правы. Одно из моих последних эссе, построенное на анализе русской заветной сказки, называется "Морфология русского народного секса". Ответы на многие вопросы, возникающие в нашей жизни (взять хотя бы выборы 17 декабря прошлого года, проходившие в политической сутолоке и беспомощности), можно встретить, как ни странно, в народных сказках, собранных Афанасьевым. В них просвечивает строение национального космоса, и любые ответы находятся в изобилии! Требуется лишь раскопать "верхний слой", чтобы наткнуться на откровения. Я понял, что русская ментальность еще очень плохо изучена, оттого мы и удивляемся совсем не тому, чему должно удивляться: нашей неевропейности, алогичности, разным непредсказуемым вывертам, нашему парадоксальному, мягко говоря, отношению к страданию и насилию. Исторически (да и метафизически тоже) сложилось, что мы — другие, и хорошо бы нам для начала узнать самих себя.

— Похоже, вам не нравится, когда вас с кем-либо сравнивают, однако "Морфология русского секса" даже по названию (не говоря о проблематике) соприкасается с философско-автобиографической книгой Георгия Гачева "Русский зрос".

— Безусловно, мысли разных исследований могут "соприкасаться" и перекликаться, но заимствования никаких нет. Каждый из нас по-своему выстраивает Космос — ни конкуренции, ни влияния.

— Лабиринт проклятых вопросов оказался у вас весьма обширным и запутанным.

— Да, это лабиринт как национальных вопросов, так и индивидуальных, философских, литературных, биографических. Например, статья "Последний русский философ" посвящена моим встречам с Алексеем Федоровичем Лосевым, воспоминаниям о долгих, обстоятельных беседах с ним. Наше знакомство началось в 1985 году. Я брал тогда у Лосева интервью для "Вопросов литературы". Эта работа подружила нас, и по-

следние годы его жизни я довольно часто по вечерам, иногда и ночью навещал в староарбатский дом на чашку чая. Нас тянуло друг к другу, наверное, по различным причинам. Для меня Лосев был мэтр, последний русский философ; ему же я был интересен, возможно, как представитель нового российского самосознания. Мы расспрашивали друг друга с пристрастием. В статье я пытался показать как возможности русской философии XX века, так и "невозможности" оной, показать как бы глазами Лосева. В то же время я обрисовал ту атмосферу, в которой он жил, и прочертил биографический путь, который привел его (или нас?) к отметке "последний русский философ".

— Беседовали ли вы о "проклятых вопросах"?

— Да, и самым насущным из них была судьба России. В общении с Алексеем Федоровичем я впервые узрел подлинно философский ум, деятельность коего строится на диалектической взаимосвязи "да" и "нет". А на вопрос, "считаете ли вы себя счастливым человеком" он мне ответил: "Сколько сейчас времени? Не пора ли идти спать?" Он был всегда честен со мной, хоть и уходил от прямого ответа.

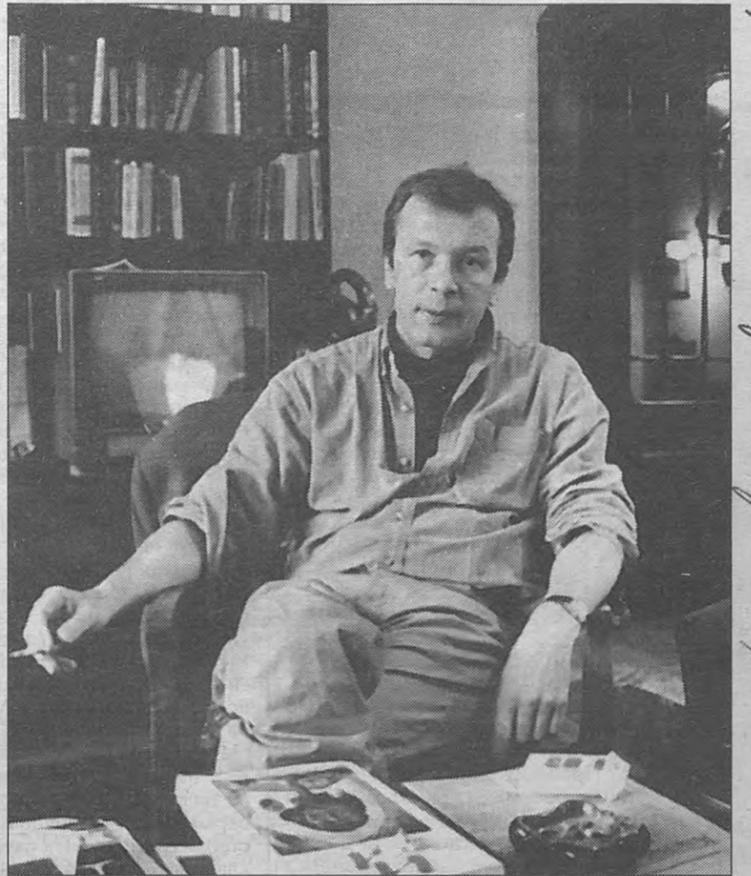
— Давайте вернемся к вашему собственному "Лабиринту". Второй том нового собрания сочинений "отдан на откуп" теоретической мысли, первый и третий — художественной интуиции (украду термин у Берсона). В их компоновке мне видится даже какая-то зеркальная симметрия: и в первом, и в третьем томе помещены роман и несколько рассказов — с той разницей, что в первом — роман и рассказы, так сказать, "старые", уже известные читателям; а в третьем — "новые".

— Пожалуй, что так. "Русская красавица" уже переведена во всем мире. Наконец-то и в России роман вышел, оформленный так красиво, и читать его можно, не ломая глаза. В первом томе также много рассказов, в том числе "Жизнь с идиотом". По этому рассказу Альфредом Шнитке написана опера, а Александром Рогожкиным снят кинофильм.

— Супер-хит получился, а не рассказ.

— А в третьем томе основное место занимает совершенно новый роман с банально-беззащитно-раздражающим названием "Страшный суд". В январе он вышел в Голландии и во Франции, презентация его ожидается в Москве. Роман огромный и очень страшный.

— Как, неужели еще страшней,

В лабиринте

чем наша жизнь?

— В сравнении с жизнью — не знаю. Кому как покажется. Мне самому — страшно.

— Оставим страх читателям. Здесь еще много рассказов, эссе.

— В отличие от широкомащтабных работ второго тома, здесь собраны маленькие эссе, своего рода "маленькие трагедии", некогда порядком встряхнувшие читательские умы. Например, "Поминки по советской литературе", которыми, как писали мои современники, я "закрыв советскую литературу".

— "Всадник без головы" — престранный и прелюбопытнейший текст, публикуемый "Экраном и сценой" одновременно с нашей беседой, — тоже является образчиком новейшей эссеистики третьего тома?

— Это скорее поток сознания, зафиксированный на бумаге, чем текст. А по форме — подражание всевозможным "прогнозам", кото-

рые у нас так любят читать и писать под Новый год.

— Но, пардон, своим "Апокалиптическим видением на 1996 год" вы дали оплеуху интеллигенции, то есть своим собственным читателям!

— Да нет, что вы, я и не думал кого-либо обижать! "Апокалиптическое видение" всадника без головы — это мое субъективное ощущение культуры. Текст пишется отнюдь не ради того, чтобы "подразнить гусей", а как бы затем, чтобы сорвать некий созревший плод, который вырос на древе сознания-познания, причем вырос независимо от моей воли.

— Словом, вы не виноваты, ежели некоторые, вкусив от вашего "плода", почувствуют себя задетыми.

— Это крошечное эссе я писал, размышляя о дичайшем разброде, царящем среди нашей так называемой "просвещенной публики", привыкшей считать себя "власти-

Виктор ЕРОФЕЕВ:

Если культура теряет голову, то это еще не значит, что мы теряем культуру.

Впрочем, культура уже не сакральное слово. Я обещаю, что будет немало обиженных. От 10 до 30 процентов. Учителя дешевет на глазах.

В тулупах, с шапками набекрень, они стоят с недоуменными лицами поодаль. Поражает, однако, не их невостребованность, а их физическое разорение. Они учительствуют в распадае и в полном распаде. Один — пьяный, другой — дурак, третий — с пустыми глазами, четвертый — перхотный, пятый — мошенник, шестой — во френче, седьмой — карлик, восьмой — баба-яга с расстегнутой ширинкой, девятый — неврастеник, десятый — тонкий ... и аграрий, одиннадцатый — за генерала Власова, двенадцатый — резко против.

Апостолы не чистят ни зубов, ни ботинок. С зубами у них — дыра. Апостолы не маршируют в модную парикмахерскую, не бреют подмышек, не моют рук после жидкого испражнения, не стригут ногти на ногах, но зато обкусывают их на руках. Косые, кривобокие, горбатые, перекуренные, похмельные, нестильные, гаймаритные, зажатые, психостенические, импотентные, не умеющие спросить, где здесь туалет, где — притон с ...

Квадратные колеса гуманизма, оценщики, судьи, запретители, паникеры, всю жизнь обещавшие взяться за руки, но так и не взявшиеся, хотя и сбившиеся в кучку, многословные, витийствующие, болтливые, религиозно-одномерные, одноглазые, черно-белые, головные, никогда не пробовавшие даже травки, незатейливые шутники с театральными жестами. Книжники, плохо умеющие читать, не умеющие радоваться, во всем видящие происки разных разведок, плохо танцующие, всю жизнь вспоминающие свое убогое детство, первую встречу с морем, политические воспаленные, старосветские бабкины с усталой печенью, светлые, понурые, не выходящие за горизонт, ворчливые, с тухлой энергией, не умеющие любить тело.

Стихотворение для них — сильнее глубокого массажа.
Париж для них — экзотика.
Лондон — мука левостороннего движения.
Амстердам — сплошная педерастия.
Китай для них — председатель Мао Цзэдун.
Корея — теория и практика чучхе.
Пастернак для них — гениальный автор "Доктора Живаго".

Всадник

Апокалиптическое видение

Духовность для них — свет в окошке.
Духовность для них — поп с иконой.
Духовность для них — музей и музей.
Русская история для них — синоним страдания.
Спасение России для них — социальный проект.
Компьютер для них — ухудшенный вариант пищевой машинки.
Мотоцикл — распространитель шума и смерти.
Частный самолет для них — символ роскоши.
Роскошь для них не существует.
RNR для них — пустой звук.
Они спят на неудачных кроватях, с неудачными женами, не умеющими готовить.

Что едят мои апостолы?
Они едят морковные котлеты и фильмы Тарковского.
Иосиф Бродский производит на них впечатление.
Карлос Кастанеда для них отравя.
Окуджава — эпицентр культурной жизни.
Высоцкий — повесть о настоящем человеке, косящего под блажного.
Окуджава — ближе, но Высоцкий — тоже недалеко.
Духовность для них — это развитое чувство коллективной вины.
Духовность для них — принародная боль за народ.
Мои апостолы родились в толстом журнале.
Мои апостолы не любят шаманов.
Мои апостолы — замороженный век Просвещения.
Утроба матери на их языке не называется детородным органом.
Далай Лама для них — народный герой, но не больше.
Синагога для них — спорный вопрос. Синагога в России для них — проблема.
Галлюцинация для моих апостолов — это враг культуры.
Глоссолалия для них — бессмысленные выкрикивания.
Мужчины для них лучше женщин настолько, насколько кино лучше ко-

Экран и сцена —